

Интенсификация неградулируемых признаков в языке Ф. М. Достоевского: лингвистические механизмы и семантические эффекты

Екатерина Вячеславовна Шарапова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), katyasharapik@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170009964-9

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается определенный тип окказиональных авторских словосочетаний, характерных для языка Ф. М. Достоевского: сочетания слов-интенсификаторов с обозначениями неградулируемых признаков. Присоединение интенсификатора к слову, которое не обозначает качественный градулируемый признак, является нарушением сочетаемостных ограничений. Словосочетание, образование которого по общему правилу должно быть запрещено, становится признаком авторского стиля. В статье выделяется два вида окказиональных словосочетаний: сочетания интенсификаторов с прилагательными, которые являются частью коллокации или устойчивой номинации; сочетания с существительными, которые обозначают лиц по национальности либо профессии, занятию. Рассматриваются механизмы образования, основания для семантического согласования и интерпретации окказиональных словосочетаний, их стилистические особенности. Затрагивается проблема семантической эволюции слов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интенсивность, интенсификатор, лексическая функция *Magп*, неградулируемый признак, нарушение сочетаемостных ограничений, окказионализм, коллокация, коннотация, семантический сдвиг, язык Ф. М. Достоевского

для цитирования: Шарапова Е. В. Интенсификация неградуируемых признаков в языке Ф. М. Достоевского: лингвистические механизмы и семантические эффекты // Русская речь. 2020. № 3. С. 101–113. DOI: 10.31857/S013161170009964-9.

благодарности: Статья подготовлена к печати в рамках работы над грантом РФФИ № 18-012-90025 «Лингвистическая модель идиостиля Достоевского: корпусные технологии в изучении художественного текста». Автор благодарит Г. И. Кустову за неизменную помощь и поддержку, Н. В. Бунтман за ценные критические замечания по материалу статьи.

The Language of Fiction

Non-Gradable Attribute Intensification in Dostoevsky's Writing Style: Linguistic Mechanisms and Semantic Effects

Ekaterina V. Sharapova, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Moscow, Russia), katyasharapik@gmail.com

ABSTRACT: The article studies a certain type of occasional word combinations, characteristic of Dostoevsky's individual style, such as combining intensifiers with non-gradable words. Adding an intensifier to a word that does not indicate a graduated quality results in violation of collocational restrictions. The phrase that should be abnormal according to the general semantic rule turns into a meaningful stylistic device. The author finds two types of word combinations: combinations of intensifiers with adjectives which are a part of a certain collocation; combinations with nouns which denote persons by nationality or profession. The article considers the mechanisms of phrase formation, the basis for semantic coordination and interpretation of occasional word combinations (semantic shifts, connotative meaning

application, the context, including non-linguistic facts), as well as their stylistic features: word-play and irony. The article also addresses the issue of semantic evolution of vocabulary.

KEYWORDS: intensity, intensifier, Magn lexical function, non-gradable attribute, collocational restrictions, occasionalism, connotation, semantic shifts, Dostoevsky's individual style

FOR CITATION: Sharapova E. V. Non-Gradable Attribute Intensification in Dostoevsky's Writing Style: Linguistic Mechanisms and Semantic Effects. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 3. Pp. 101–113. DOI: 10.31857/S013161170009964-9.

ACKNOWLEDGEMENTS: This article is published with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project № 18-012-90025 "A linguistic model of Dostoevsky's individual style: corpus technologies in the analysis of literary text"). The author is grateful to Galina I. Kustova for her invaluable help and Nadezhda V. Buntman for critical comments on the article.

Иntenсификация признака в речи — это указание на высокую степень его проявления. Сообщить собеседнику о высокой степени признака можно самыми разными способами. Язык предлагает нам множество средств: фонетические — удлинение ударного гласного или начального согласного (*огро-омный, з-зараза*), словообразовательные — например, префиксацию (*распрекрасный, прескверно, переохладиться*), морфологические — превосходную степень сравнения прилагательных и наречий (*самый быстрый, сильнее всех*). Мы используем также элативные формы в сочетаниях типа *до мельчайших подробностей, с величайшим удовольствием* или различные конструкции с удвоением («редупликацией»): *белым-бело, проще простого, рад-радехонек, строго-настроого, хожено-перехожено* [Бондарко (отв. ред.) 1996: 115–123]. Средством интенсификации могут быть фразеологизмы: *И под эти думы заснул Герасим Сильч, а Патап Максимыч давно уж храпел во всю ивановскую* (П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая. 1875–1881); *Искали, искали они князя и чуть-чуть в трех соснах не заблудились, да спасибо случился тут пошехонец слепород, который эти три сосны как свои пять пальцев знал* (М. Е. Салтыков-Щедрин. История одного города. 1869–1870). Синтаксическим средством являются, например, сложноподчиненные предложения типа *Сделается мне так*

душно, так душно дома, что бежала бы (А. Н. Островский. Гроза. 1860);
Кругом было тихо, так тихо, что по жужжанию комара можно было следить
за его полетом (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени. 1839–1841).

В этой статье речь пойдет об интенсификации признака при помощи так называемых слов-интенсификаторов, т. е. слов, которые выражают значение высокой степени в сочетании с другими словами, обозначающими собственно признак: *крайне необходимый, слишком горячий, ослепительная белизна, адская жара, горячо интересоваться, досконально изучить, наотрез отказаться*. Иногда в роли интенсификатора выступает сочетание слов: *изо всех сил стараться, до неузнаваемости изуродовать, в значительной степени улучшить*. В лингвистической литературе для обозначения интенсификаторов иногда используют термин «лексическая функция Magn» (например, в [Кустова 2011], подробнее о Magn'ах и других лексических функциях — в [Мельчук 2012]).

Интенсификатор требует в речи (в качестве главного слова в словосочетании) слова со значением градуируемого признака. Градуируемость — это наличие у признака шкалы, по которой изменяется количество этого признака, т. е. его степень, или, иначе, интенсивность. «Каноническим» средством выражения градуируемых признаков в языке являются качественные прилагательные: именно способность градуироваться проявляется в способности большого числа качественных прилагательных иметь степени сравнения: *высокий — выше — самый высокий, выше всех*. Однако с точки зрения лингвистической семантики градуируемые признаки могут быть чрезвычайно разнообразны, а средства их выражения в языке не ограничиваются именами прилагательными. Градуируются внутренние состояния человека, например эмоциональные (*ярость — дикая, бешеная ярость; любовь — горячая, пламенная любовь*), но не только (*спать — крепко спать, болеть — тяжело болеть*), внешние проявления этих состояний (*аплодисменты — бурные, оглушительные аплодисменты*), многие процессы, которые обозначают изменение количества признака с течением времени (*остыть — немного остыть — сильно остыть — совсем остыть*), природные процессы типа *дождь — проливной дождь, снегопад — обильный снегопад* и т. д. [Кустова (сост.) 2008, Кустова 2011].

Если слово обозначает признак неградуируемый, то на употребление интенсификатора при таком слове налагается сочетаемостный запрет. Например, относительные и притяжательные прилагательные, притяжательные местоимения обозначают неградуируемые признаки, поэтому мы не говорим **довольно каменный дом, *вполне морская рыба, *чрезвычайно лисья нора, *поразительно мой портфель*. Не употребляем и формы степеней сравнения типа *автомобильный — *автомобильнее*,

стиральный — **самый стиральный*. Интенсификация неградуируемых признаков, таким образом, явление в некотором смысле необычное или даже — «неправильное». Однако весьма распространенное.

Конечно, языку хорошо знаком процесс «окачества» значений от-носительных прилагательных: *деревянный стул* — *деревянный голос*, *сте-клянная дверь* — *стеклянный взгляд*, *железная лестница* — *железный харак-тер*. Однако в романах Ф. М. Достоевского нередки случаи, когда слово не обозначает качественный градуируемый признак, но при этом к нему присоединяется интенсификатор. В тексте возникают «неправильные» с точки зрения сочетаемостных норм стилистически маркированные окказиональные авторские выражения. Почему они возможны и как их можно интерпретировать?

Окказионализмы — это авторские неологизмы, «слова-самodelки» (Н. И. Фельдман), результаты авторского словотворчества. Окказиона-лизмы «вырастают» из определенного контекста, они не претендуют на то, чтобы войти в общее употребление, закрепиться в языке, поэто-му «ощущаются как новые, независимо от времени своего создания» [Фельдман 1957, Лопатин 1973: 65]. Самыми необычными бывают слова-окказионализмы, но окказиональными могут быть и словосочетания, если в них нарушены нормы узуса и семантической сочетаемости, если в них «встречаются» слова, «сочетаемость которых в узусе невозможна» [Бабенко 1997: 12–13]. Разделим интересующие нас окказиональные со-четания на две группы: сочетания интенсификаторов (1) с прилагатель-ными и (2) с существительными.

(1) В некоторых случаях относительное прилагательное выступает в таком контексте, в котором реализуется именно относительное значе-ние, и контекст не дает оснований для «окачества», даже препятству-ет ему. Так, наименее «склонны» к присоединению интенсификаторов коллокации — сложные наименования, имеющие терминологический характер. В составе подобных коллокаций прилагательные, даже исходно качественные, употребляются в относительном значении (*легкая атле-тика*, *горячее копчение*) и не развивают качественных значений. Интенси-фикатор же требует качественного значения, поэтому как бы «наводит», индуцирует его. Происходит столкновение общезыкового и контексту-ального значений, которое порождает каламбур — неразрешенное (и не-разрешимое) семантическое противоречие, когда слово в одном и том же контексте реализует два разных значения:

В двух-трех местах они [женщины «легкого поведения»] толпились на тротуаре группами, преимущественно у сходов в нижний этаж, куда,

*по двум ступенькам, можно было спускаться в разные **весьма увеселительные заведения**. («Преступление и наказание»)*

«Неправильное» употребление интенсификатора и каламбур современного читатель может увидеть и в словосочетании особенно *священное предание*:

[Свидригайлов — Дуне] У нас в образованном обществе **особенно священных преданий** ведь нет, Авдотья Романовна: разве кто как-нибудь себе по книгам составит... али из летописей что-нибудь выведет. («Преступление и наказание»)

Сочетание *священное предание* является коллокацией с точки зрения современного языка (*Священное Писание — Священное Предание*, по данным Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ)). В коллокации прилагательное *священный* не имеет качественного значения, которое, однако, возможно у него в других контекстах (так, в [Евгеньева (ред.) 1999] отмечено четыре качественных значения). В русском языке второй половины XIX в. употреблялось терминологическое сочетание *Священное Предание*, например: *Дух Божий, глаголящий Священным Писанием, поучающий и просвещающий **Священным Преданием** вселенской Церкви, не может быть постигнут разумом* (А. С. Хомяков. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси. 1853); однако употребительным было также сочетание с качественным значением прилагательного (*священный* ‘заветный, нерушимый’, *предание* ‘поучения, наставления, правила житейские, переданные одним поколением другому’ [Даль 1998]), например: *Вы похожи на пришельцев... которые не знают ни радостей, ни **священных преданий**, ни теплых воспоминаний этой страны...* (А. К. Шеллер-Михайлов. Лес рубят — щепки летят. 1871). Таким образом, для современников Достоевского употребление сочетания *священное предание* с интенсификатором было, скорее всего, нейтральным или его стилистический эффект был не таким, каким он представляется современному читателю.

Интенсификаторы могут присоединяться к сочетаниям относительных прилагательных с существительными, которые представляют собой названия частных разновидностей какого-либо класса объектов: *морская рыба* и *речная рыба*, *книжный шкаф*, *плотной шкаф*. Так, в художественных текстах второй половины XIX в. нам встретились сочетания *летняя*, *зимняя*, *верхняя*, *траурная*, *праздничная*, *парадная одежда*; *охотничий*, *дачный*, *маскарадный*, *дорожный костюм*; *русский*, *малороссийский*, *европейский*, *петербургский костюм* [НКРЯ, ruscorpora.ru] — все это названия

разновидностей одежды, они близки к терминологическим обозначениям и похожи на коллокации. Однако присоединение к ним интенсификаторов дает несколько другой эффект, чем в предыдущих примерах:

*Протягивались наглые смеющиеся головы с папиросками и трубками, в ермолках. Виднелись фигуры в халатах и совершенно нараспашку, **в летних до неприличия костюмах**, иные с картами в руках.* («Преступление и наказание»)

[Версиров — Аркадию Долгорукому] — *Ты, может быть, не знаешь? я люблю иногда от скуки... от ужасной душевной скуки... заходить в разные вот эти клоаки. Эта обстановка, эта заикающаяся ария из «Люции», эти половые **в русских до неприличия костюмах**, этот табачище, эти крики из бильярдной — все это до того пошло и прозаично, что граничит почти с фантастическим.* («Подросток»)

Хотя сочетания типа *до неприличия летний костюм* имеют, как и *весьма увеселительные заведения*, иронический оттенок, тем не менее присоединение интенсификатора приводит не к каламбуру, а скорее к семантическому сдвигу в значении прилагательного. Интенсификатор актуализирует периферийную качественную семантику у опорного прилагательного, а иногда, возможно, индуцирует, «наводит» ее. Коннотативная качественная семантика прилагательного позволяет интерпретировать словосочетание, образование которого по общему сочетаемостному правилу запрещено.

Коннотации слова — это некоторые смыслы, которые сопутствуют, но «не входят непосредственно в лексическое значение слова» и выражают «принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян 1995: 159]. Коннотации отражают наши ассоциации и стереотипные представления: *лисы* — хитрые, *петухи* — задиры, *ослы* — упрямые; немцы аккуратны, франуженки красивы и т. д. Однако коннотации могут быть не только устойчивыми, общезыковыми, но, как и слова и словосочетания, они могут быть окказиональными, индивидуально-авторскими, специфичными для конкретного текста (подробнее о коннотациях — в [Телия 1986]). В этом случае, как показывают наши примеры и как мы увидим далее, коннотации создаются в контексте, разными путями этим контекстом «наводятся».

(2) Интенсификатор может присоединяться к существительному, обозначающему лицо по национальности, профессии, занятию.

«Исторический, политический, религиозный или психологический контекст существования лексемы или ее референта» играет заметную

роль в формировании коннотаций [Апресян 1995: 170], поэтому, например, в следующих контекстах читатель вряд ли заметит что-то особенно необычное:

[Федор Павлович Карамазов — Алеше Карамазову] *Алешка, ведь правда? Ведь **совершенно русская вера** такая? — Нет, у Смердякова **совсем не русская вера**, — серьезно и твердо проговорил Алеша. — Я не про веру его, я про эту черту, про этих двух пустынников, про эту одну только черточку: ведь это же по-русски, по-русски? — Да, эта **черта совсем русская**, — улынулся Алеша. («Братья Карамазовы»)*

[Настасья Филипповна — Рогожину] *Все-таки ты не лакей; я прежде думала, что ты **совершенный**, как есть, **лакей**. («Идиот»)*

В других случаях коннотации, которые взаимодействуют с интенсификатором, принадлежат скорее к индивидуально-авторской текстовой системе, нежели к системе языка. Откуда же мы знаем о таких коннотациях? Многие словосочетания «вида X→Y можно осмыслить только в предположении, что семантической областью действия X-а является не все лексическое (или грамматическое) значение слова Y, как это бывает в большинстве случаев, и даже не отдельный его компонент, а какая-то коннотация X-а» [Апресян 1995: 167]. Кроме того, «взаимодействие степенного квантификатора с коннотацией особенно заметно в тех случаях, когда он присоединяется к слову, обозначающему неградуируемое свойство» [Апресян 1995: 168]. Для того чтобы осмыслить такое высказывание, читателю необходимо найти то содержание в значении слова, которое могло бы градуироваться, необходимо увидеть в слове качественные элементы значения. Эту способность находить адекватный смысл во внешне неправильном высказывании называют интерпретативной, или семантической, компетенцией [Арутюнова 1990: 4].

Интерпретация «необычного» слова или словосочетания опирается на контекст. Так, существительное *русский* получает у Ф. М. Достоевского не только общеязыковую, но и индивидуально-авторскую коннотативную нагрузку. Рассуждая о русских как о культурном типе «всемирного боления за всех», отец Подростка Андрей Петрович Версиков противопоставляет русского человека и европейца:

*Один лишь русский, даже в наше время, то есть гораздо еще раньше, чем будет подведен всеобщий итог, получил уже способность становиться **наиболее русским** именно лишь тогда, когда он **наиболее европеец**. <...> Им еще долго суждено драться, потому что они — еще **слишком немцы** и **слишком французы** и не кончили свое дело еще в этих ролях. («Подросток»)*

Интенсификаторы актуализируют стереотипные представления читателя о русских, европейцах, немцах и французах, но также, в условиях контекста, создают особые коннотации для *русского*: немцы — только немцы, французы — только французы, русский же способен воплотить в себе черты всех европейских наций.

Контексты употребления названий профессий и рода занятий еще более необычны, например:

[Дмитрий Карамазов — Алеше Карамазову] *Ненавижу я эту Америку уж теперь! И хоть будь они там все до единого **машинисты необъятные** какие, али что — чорт с ними, не мои они люди, не моей души! Россию люблю, Алексей, русского Бога люблю, хоть я сам и подлец!* («Братья Карамазовы»)

Слово *машинист* не имеет коннотаций в общезыковой системе, оно приобретает их только в художественной системе романов Достоевского: коннотации связаны с устойчивым мотивом неверия в счастье, основанное на техническом прогрессе и увеличении материального благополучия.

Значение слова *машинист* в XIX в. отличалось от современного. В первый раз это слово появляется в НКРЯ в «Опыте исторического слова о российских писателях» Н. И. Новикова (1772) и обозначает машиниста сцены: *При строении сего театра был он сам архитектором, живописцем и **машинистом**...* В «Словаре церковнославянского и русского языка» у слова *машинист* приводится значение 'изобретатель, строитель машин'. По данным НКРЯ, эти два значения в XIX в. сосуществуют: *...иногда вся сцена, от колосников до преисподней, наполнялась яростными сухими раскатами грома, который **машинист** приводил в движение ради пробы...* (Д. В. Григорович. Капельмейстер Сусликов. 1848); *...**машинист** предложил отцу поднять посредством плотины реку и силою воды ее привести в движение большой пыльный завод и несколько мельниц...* (В. А. Вонлярлярский. Ночь на 28-е сентября. 1852). Значение 'человек, управляющий поездом' у слова *машинист* появляется в «Записках» М. А. Корфа (1838–1852): *...около Клина два поезда в туманную погоду столкнулись на всем ходу, так что несколько человек **машинистов** и кочегаров легло на месте.* Однако никаких признаков развития качественного значения не обнаруживается.

Коннотации *машиниста* «поддерживаются» в других романах Достоевского. В романе «Идиот» читаем:

*«**Слишком шумно и промышленно** становится в человечестве, мало спокойствия духовного», — жалуется один удалившийся мыслитель. «Пусть, но стук телег, подвозящих хлеб голодному человечеству, может быть, лучше спокойствия духовного», — отвечает тому победительно другой, развезжающий повсеместно мыслитель...»* («Идиот»)

Здесь те коннотации, которые мы отметили у слова *машинист*, позволяют образовать окказиональное слово категории состояния *промышленно* и сочетание с интенсификатором.

Выражение *слишком промышленно* требует от читателя знания текста-«источника». Речь идет о полемике между А. И. Герценом и В. С. Печериным, отраженной в их переписке 1853 г. (см. «Былое и думы», часть седьмую, главу «Pater V. Petcherine» [Герцен 1957: 391–403]). В. С. Печерин — соратник Герцена по Московскому университету. Эмигрировав за границу, он впоследствии принял католичество и священный сан. Спор идет о путях пересоздания общества: это наука — по мнению Герцена, и религия — по мнению Печерина. Последний выступает как противник «материальной науки». Интересно, что Достоевский не прибегает к развернутому пересказу доводов Печерина: передать суть его взглядов помогают коннотации. Аналогичным образом «устроено» словосочетание *чрезвычайный полководец*:

[Автор-повествователь] *Я всегда горевал, что великий Пирогов взят Гоголем в таком маленьком чине, потому что Пирогов до того самоудовлетворим, что ему нет ничего легче как вообразить себя, по мере толстеющих и крутящихся на нем с годами и «по линии» эполет, **чрезвычайным**, например, **полководцем**; даже и не вообразить, а просто не сомневаться в этом: произвели в генералы, как же не полководец?* («Идиот»)

Существительное *полководец*, не будучи качественно-оценочным, закономерно присоединяет оценочные характеристики (*выдающийся полководец*), но не степенные. Интерпретацию «подсказывает» контекст: «Эта наглость наивности, эта несомневаемость глупого человека в себе и в своем таланте, превосходно выставлена Гоголем в удивительном типе поручика Пирогова. Пирогов даже и не сомневается в том, что он гений...» («Идиот») — речь идет о герое повести Н. В. Гоголя «Невский проспект». Словосочетание *чрезвычайный полководец*, употребленное вместо более привычного *выдающийся полководец*, выражает авторскую иронию: это «полководец» вовсе не выдающийся и даже не настоящий.

В заключение нужно обратить внимание на то, что приведенные примеры позволяют описать некоторые значимые механизмы интенсификации неградуируемых признаков в языке Ф. М. Достоевского, но не исчерпывают реальное многообразие явлений текста. Каждый контекст своеобразен и требует подробного комментария (для сравнения: *Карамзов вполне; особенно логическая связь; время теперь совершенно мое; ужасно острый угол комнаты; безобразно тупой угол комнаты*).

Механизм образования окказиональных словосочетаний с интенсификацией неградуируемого признака в языке Ф. М. Достоевского может

быть основан, у прилагательных, на разрушении устойчивых терминологических сочетаний и актуализации у слова качественного значения. У существительных это актуализация коннотативной семантики, часто — индивидуально-авторской коннотативной семантики. Наиболее «явный» стилистический эффект — это ирония, в отдельных случаях каламбур. Чуть «глубже» мы наблюдаем, как формируется общее коннотативное пространство разных романов Достоевского, как нарушение сочетаемостного запрета становится средством для выражения авторской точки зрения, «авторской модальности». Нельзя не заметить и эстетическую роль «неправильных» употреблений — именно они создают неповторимую оригинальность стиля Достоевского, «своеобразную гармонию» и «новизну» [Ковач 2008] его искусства.

Литература

- Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова // Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 156–177.
- Арутюнова Н. Д. От редактора // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Ин-т языкознания; отв. редактор Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 3–9.
- Бабенко Н. Г. Оказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. Калининград: Калининградский университет, 1997. 81 с.
- Бондарко А. В. (отв. ред.). Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб.: Наука, 1996. 264 с.
- Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 11. Былое и думы. Части VI–VIII. М.: Издательство АН СССР, 1957. 808 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Русский язык, 1998.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.
- Ковач А. Поэтика Достоевского / Пер. с румынского Е. Логиновской. М.: Водолей Publishers, 2008. 352 с.
- Кустова Г. И. (сост.). Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени. 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://dict.ruslang.ru/magn.php?act%20=search&magn_lex (дата обращения: 22.07.2019).
- Кустова Г. И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (MAGN'ы-прилагательные) // Слово и язык. Сб. статей в честь 80-летия акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 256–268.

- Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973. 152 с.
- Мельчук И. А. Язык: от смысла к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2012. 176 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.07.2019).
- Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1847 [Электронный ресурс]. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=dict1847> (дата обращения: 22.07.2019).
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141 с.
- Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. 1957. № 4. С. 64–73.

References

- Apresyan Yu. D. [Connotations as a part of pragmatic value of words]. *Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya. Izbrannye trudy*. T. II [Integrative description of language and system lexicography. Selected works. Vol. II]. Moscow, Yazyki Russkoi Kultury Publ., 1995, pp. 156–177. (In Russ.)
- Arutyunova N. D. [Editor's note]. *Logicheskii analiz yazyka: Protivorechivost' i anomal'nost' teksta* [Logical analysis of language: inconsistency and abnormality of text]. Ed. N. D. Arutyunova. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 3–9. (In Russ.)
- Babenko N. G. *Okkazional'noe v khudozhestvennom tekste. Strukturno-semanticheskii analiz* [Occasional phenomena in literary texts. Structural and semantic analysis]. Kaliningrad: Kaliningrad University Publ., 1997, 81 p.
- Bondarko A. V. (ed.). *Teoriya funktsional'noi grammatiki: Kachestvennost'. Kolichestvennost'* [The theory of functional grammar: Quality. Quantity]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. 264 p.
- Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the live Great Russian language]. Vol. 1–4. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1998.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language]. Vol. 1–4. 4th ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed 22.07.2019).
- Feldman N. I. *Okkazional'nye slova i leksikografiya* [Occasionalisms and lexicography] // *Voprosy yazykoznaniiya*, 1957, no. 4, pp. 64–73. (In Russ.)
- Herzen A. I. *Sobranie sochinenii v 30 t.* [Collected works in 30 vols]. Vol. 11. *Byloe i dumy* [My past and thoughts]. Parts 6–8. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. 808 p.
- Kovacs A. *Poetica lui Dostoievski*. Bucurersti, Editura Univers, 1987. (Russ. ed.: Kovach A. *Poetika Dostoyevskogo* [Dostoevsky's Poetics]. Transl. from Romanian by E. Loginovskaya. Moscow, Vodolei Publ., 2008. 352 p.

- Kustova G. I. (comp.). *Slovar russkoi idiomatiki. Sochetaniya slov so znacheniem vysokoi stepeni* [Dictionary of Russian idiomatic expressions. Combinations of words with a sense of high degree]. 2008. Available at: http://dict.ruslang.ru/magn.php?act=search&magn_lex (accessed 22.07.2019).
- Kustova G. I. [Words with a sense of high degree: semantic models and semantic mechanisms (MAGN-Adjectifs)]. *Slovo i yazyk. Sbornik statei v chest' 80-letiya akad. Yu. D. Apresyana* [Word and language. Collected articles in honour of 80th anniversary of Yu. D. Apresyan]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2011, pp. 256–268. (In Russ.)
- Lopatin V. V. *Rozhdenie slova. Neologizmy i okkazionalnye obrazovaniya* [Birth of a word. Neological and occasional words]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 152 p.
- Mel'chuk I. A. *Yazyk: ot smysla k tekstu* [Language: from meaning to text]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2012. 176 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru (accessed 22.07.2019).
- Slovar' tserkovnoslavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym otdeleniem Imperatorskoi akademii nauk* [Dictionary of Church Slavonic and Russian language compiled by the Second Branch of the Academy of Sciences of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1847. Available at: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=dict1847> (accessed 22.07.2019).
- Teliya V. N. *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotative aspects of meaning of nominative units]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 141 p.